

— Возможно, «сердце цитры» не нужно искать в том, что уже есть, — сказал Цянь Чэнци. — Стоит исследовать неизведанное. Чего ты действительно хочешь? О чем ты мечтаешь?

— Чего я хочу... Ха... Когда я овладею искусством игры на цитре, я хочу уехать из Йоши, путешествовать по миру, наслаждаться горами и водами. И если возможно... — Лун Вэнь посмотрел на Цянь Чэнци и горько улыбнулся. — ...лучше всего было бы в конце концов уединиться с тобой, государственный министр, где-нибудь среди природы, наслаждаться чаем и вином.

— Маленький принц...

Цянь Чэнци не успел закончить, как Лун Вэнь прервал его:

— Я знаю. Ты беспокоишься о дяде, особенно в последнее время, когда отец слишком сблизился с Пань Шэньци и его приспешниками. Если дядя не проявит бдительности, его ждет большая опасность. Я знаю... Я знаю...

— ...Лун Вэнь...

Цянь Чэнци хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле.

— Ха, мы познакомились слишком поздно... Если бы... Если бы у нас была следующая жизнь, ты бы согласился познакомиться со мной раньше? Согласился бы путешествовать со мной по горам и водам? — Лун Вэнь не обратил внимания на недоговоренность Цянь Чэнци и просто высказал свои мысли.

Но Цянь Чэнци так и не ответил.

Пальцы Лун Вэня порхали по струнам, звуки были резкими и хаотичными, как внезапный ливень, то холодными и застывшими, то взрывными, как звон оружия. В его мелодии чувствовались лишь смятение и напряжение. На лбу выступил пот, и когда последний аккорд прозвучал, Лун Вэнь тяжело дышал, его лицо было белым, как у призрака. Юй Мин нахмурился, положил руку на спину Лун Вэня, чтобы помочь ему восстановить силы, и сказал:

— «Сердце цитры» появилось, но куда ты дел то спокойствие духа, которому я тебя учил? В твоей музыке полно ненависти и зависти. Если так пойдет дальше, ты скатишься на путь зла.

— Ха... Зависть, ненависть, — когда дыхание Лун Вэня успокоилось, он горько усмехнулся. — Да, это ненависть и зависть, и все они сконцентрированы на одном человеке. Я знаю, что мои чувства необоснованны и неразумны. Жаль только, что мне от них не избавиться. Я не могу получить то, чего хочу, не могу отпустить то, что держу. А тот человек получает все так легко, его глупость поразительна, и это вызывает... невероятную зависть.

— Ты... Глупец...

Юй Мин мог лишь вздохнуть и продолжить помогать Лун Вэню регулировать дыхание.

— Я помню, когда ты начал учить меня игре на цитре, ты сказал, что взамен возьмешь половину моей крови, — Лун Вэнь вспомнил о невыполненном обещании и повернулся к Юй Мину. — Но до сих пор этого не сделал. Ты... когда собираешься это сделать? Теперь, за исключением «сердца цитры», ты научил меня всему. А «сердце цитры» — это то, что я должен найти сам, ты не можешь мне в этом помочь. Так что, с точки зрения сделки, ты уже можешь взять мою кровь.

— Время еще не пришло...

Юй Мин произнес эти слова с таким же холодным и нечитаемым выражением лица, как всегда, и было непонятно, что он на самом деле задумал.

— Ха, еще не пришло?

Услышав это, Лун Вэнь больше не стал настаивать.

В императорском дворе разногласия между Императором Кайтянь Вторым и Ишан Гумином становились все более явными. Даже в Императорском городе ощущались скрытые течения. Даже Лун Вэнь, который был далек от двора, чувствовал, что надвигается буря. Лишь Ишан Гумин, все еще веря в силу кровных уз, продолжал игнорировать нависшую над ним опасность. Видя, как тревога и заботы Цянь Чэнци растут день ото дня, Лун Вэнь, сам находясь в трудном положении, не мог ничем ему помочь.

И наконец, в один день Император Кайтянь Второй внезапно вызвал Ишан Гумина во дворец, и конфликт вспыхнул. Темные тучи сгустились, ветер бушевал у подножия гор. Лун Вэнь сидел в Палате Дяньцзяо, тихо перебирая струны цитры, но его сердце было беспокойно, он чувствовал что-то неладное. И музыка под его пальцами становилась все более разрозненной, теряя мелодию. Лун Вэнь играл все более нервно, все более раздраженно, все более яростно, пока струны не лопнули от напряжения. Одна из порвавшихся струн рассекла ему щеку. Помедлив еще мгновение, он больше не выдержал, бросился прочь искать Цянь Чэнци.

Но то, что он увидел, когда нашел его, разделяла бездна смерти, и Зеленых гор больше не было видно.

Тем временем Юй Дапин и Ишан Гумин были превращены в камень Печатью Кобальтового Золота на берегу Слез Ведьмы. Но по странному стечению обстоятельств их утерянные и поврежденные души, оставшиеся на Ишан Гумине, смогли воссоединиться, вернув воспоминания о прошлом Лун Вэня. Более того, из-за того что души долгое время сосуществовали, они неразрывно переплелись, и так они узнали то, чего не знали раньше.

Темной ночью ветер бушевал, тучи сгустились, словно предвещая грядущие потрясения в императорской семье. В районе Тяньцзы Император Кайтянь Второй, сопровождаемый Пань Шэньцзи и его людьми, подошел к Ишан Гумину, который ждал его по вызову. Его голос был хриплым, полным досады и неизбежности, а также жестокой решимости, рожденной выбором между императорской властью и кровными узам:

— Брат, я слышал, ты хочешь, чтобы незаконнорожденный из Обители Юнлю Пиньюй вернулся, чтобы унаследовать мою империю.

— Брат, ничего такого не было, прошу тебя, не верь слухам, — Ишан Гумин, уверенный в своей невинности, все еще не чувствовал надвигающейся опасности и терпеливо объяснял. — Я стою здесь именно для того, чтобы никто не мог воспользоваться ситуацией и посеять раздор между нами. Я чист.

— Ха.

Император Кайтянь Второй не поверил. Он холодно усмехнулся и тут же отдал приказ:

— Возьмите его!

— Брат!

Ишан Гумин даже представить не мог, что его родной брат так внезапно повернется против него. На мгновение он остолбенел от изумления, и его окружили стражи-монстры. Он не знал, что делать — атаковать или продолжать объяснять.

— Я не должен был тогда слушать тебя и оставлять жизнь этим незаконнорожденным близнецам. Теперь мне придется заплатить за это, а ты — заплатить своей жизнью! — сказал Император Кайтянь Второй. В его словах была горечь, но еще больше — непоколебимая решимость.

— Ты хочешь убить меня!

В сердце Ишан Гумина вспыхнула боль, но он все еще не мог в это поверить.

— Закон не потерпит тех, кто замышляет мятеж.

Эти слова, обвиняющие его в мятежных намерениях, перевернули многолетнюю преданность Ишан Гумина Яоши и разорвали узы братства, связывавшие их долгие годы. Вся горечь в его сердце превратилась в горький смех:

— Ха-ха-ха-ха! Так значит, ты никогда мне не доверял! Твоя подозрительность все это время подталкивала тебя искать повод избавиться от меня, а оставить в живых тех близнецов — это был всего лишь твой расчет, чтобы создать против меня компромат! Брат! Но даже так ты мне сильно проигрываешь! Потому что я искренне любил твоего сына и никогда не думал его использовать!

— Хватит разговоров! Взять его!

Император Кайтянь Второй пришел в ярость.

Но в этот самый напряженный момент раздался громкий крик, и вслед за вспышкой меча несколько стражников-монстров пали замертво:

— Никто не смеет тронуть его!

Это был Цянь Чэнци. С мечом в руке он встал перед Ишан Гумином, защищая его.

— Что ты делаешь? — Ишан Гумин был озадачен. Он не ожидал, что Цянь Чэнци появится здесь.

— Мы были друзьями десятки лет. Мы слишком долго шли бок о бок, я уже не могу привыкнуть к жизни без тебя рядом. Раз уж так, я пойду с тобой до самого конца! Даже если впереди нас ждет смерть, — выражение лица Цянь Чэнци было твердым и непоколебимым, он не собирался отступить.

— Это мое дело. Тебе не нужно в это вмешиваться, не нужно входить в эту мутную воду. Уходи скорее.

— Если ты хочешь, чтобы я жил, тогда прорывайся со мной вместе! Я не позволю тебе просто так сдаться и погибнуть!

С этими словами Цянь Чэнци, словно один воин, способный удержать целый проход, взмахнул мечом и атаковал Пань Шэньцзи и его людей.

Жар битвы — это была горячая кровь Цянь Чэнци, проливаемая ради друга, чтобы проложить путь к survival. Каждый удар меча, каждый блок, хотя он и был ученым, демонстрировал пыл настоящего воина, перед которым не могли устоять десять тысяч врагов. К сожалению, хоть Цянь Чэнци и был отважен, он не мог противостоять бесконечным атакам Ао Иня, Миде Мэн и других стражников-монстров. Он уставал все больше и больше. А Ишан Гумин, столкнувшись с яростными атаками Пань Шэньцзи, лишь защищался, не контратакуя, лишь отступал, не наступая, пока не оказался загнан в угол, отступать было некуда, уклоняться неоткуда. И все это время он повторял:

— Не заставляйте меня!

Но Пань Шэньцзи все же нанес ему удар ладонью, и алая кровь брызнула из его рта.

— Не заставляйте меня! Не заставляйте меня!

Даже получив ранение, Ишан Гумин по-прежнему сдерживал свои приемы. Цянь Чэнци, изнуренный битвой с Ао Инем и Миде Мэн, на мгновение отвлекся. Ао Инь воспользовался этим и нанес ему тяжелый удар в спину. Затем Цянь Чэнци попал в ловушку под тучей черных бабочек Миде Мэн. Цепи и лезвия сошлись вместе. Миде Мэн во главе нескольких стражников-монстров окружил и убивал Цянь Чэнци в ядовитом тумане из черных бабочек. В потоках крови Цянь Чэнци был смертельно ранен, его шаги стали нетвердыми.

Ао Инь громко крикнул:

— Мятежник, прими смерть!

И затем его длинный меч пронзил тело Цянь Чэнци, и хлынула алая кровь.

Да... Ся изначально завидовал и ненавидел дядю, и это не требует объяснений... Учитель цитры Юй Мин был из Божественного пути Бессмертного целителя... Интересная судьба...

<http://bllate.org/book/16149/1446600>